

З Д Р А В С Т В У Й !

К одиночеству не привыкают.

С ним смиряется. Что терпят. Иногда, если есть куда, от него бегут. Одиночество приятно ненадолго, после шума, после тяжелых передряг.

Когда после работы Таня возвращалась домой, открывала ключом дверь, сбрасывала саночки, вешала на вешалку пальто, переодевалась — она уже знала, что сейчас, когда все эти привычные и нехитрые процедуры будут окончены, когда она подогрет ужин, поест, вымоет посуду, одиночество подойдет к ней. Оно будет выглядывать из строк книги, заставит долго невнимающими глазами с отречь на открытую страницу или на экран телевизора, вспоминать что-то давнее, из чужой и недоступной сейчас жизни, которая кружила Таню когда-то в потоке друзей по обсерватории, в коридорах института, в поездках на картонку и в субботниках. Оно, одиночество, сделает неинтересным новый кинофильм, оно будет сидеть, качая ногами, на трубке телефона, который так редко теперь зовет Таню к себе. Оно заставит Таню ворочаться пол-ночи и отступит только утром, когда поток людей подхватит, повесет ее в толчею троллейбуса, вытолкнет на остановке, и она окажется, наконец, в своем отделе, около своего кульмана, среди коллег.

После смерти матери Таня стала хмурой, избегала шумных и веселых дружеских сборищ. Друзья обзаводились семьями и все реже звали ее в гости, занятые вечными делами. Подруги тоже отвыкли от нее: кому охота видеть невеселую физиономию вечно тоскующей девушки? А жизнь пла...

По выходным дням чего только не придумывала Таня! Она тщательно перемывала чистую посуду, натирала и без того блестящие полы, затевала стирку, с которой вполне еще можно было

повременить.

Иногда она ходила в кино. Но фильмы чаще всего не интересовали ее: они были о ком-то другом, о жизни на совершенно иной планете.

В музее было интереснее. Там Таня подолгу стояла около какой-нибудь картины, размышляя о жизни мужчин и женщин, запечатленных навеки вечные художниками. Таня придумывала их жизнь, необычайные привлечения, страсти, события... Это доставляло ей огромную радость. Малейшие штрихи, схваченные художником, помогали ей фантазировать, и она тихо смеялась, словно и в самом деле придуманная ею жизнь этих людей увлекала ее по своим праздничным тропам....

Вечером во вторник зазвонил телефон. Таня уже лежала в теплой постели, слушая шелест дождиков по стеклам окна.

" Ошибка какая-нибудь, — с досадой подумала Таня, — кто станет звонить мне так поздно?"

Но телефон настойчиво позвал ее вновь и, накинув на плечи халатик, Таня подошла к нему.

— Алло, я слушаю...

— Таня? Это Ира Зенчук. Мне очень надо тебя видеть.

— Ира, не сейчас же... А что случилось.

— Очень надо. Завтра в полдень у " Весны". Придешь?

— Нет, только в пять, после работы.

— Хорошо, давай в пять. Но приходи обязательно.

— Ладно, Ира, приду...

В трубке уже пели свою однообразную песню гудки, а Таня стояла и думала: что произошло, что вообще может произойти у Иры, вечной удачницы и баловня судьбы.

Ира Зенчук... Давным-давно их ничего не связывает. Когда-то учились они вместе, в одной группе, и не было в институте девушки веселее и красивее Иры. Ребята просто млели при ней, становилась какими-то нежно сосредоточенными или по-дурацки смелыми. Училась Ира легко. Хватала все на лету. Ее после защиты диплома единственным из их выпуска оставили в институте. Была замужем. За военным. Говорили, она его бросила и еще раз была замужем.

Стало быть, Ира в чем-то нуждается. Иначе бы и не вспомнила о Тани. Она ведь и в институте вспоминала, если только ей надо было одолжить конспект или до стипендии не хватало рубля-другого. Нет, что-то произошло, без сомнения.

Ладно, подождем до завтра...

Назавтра ровно в пять Таня стояла у кафе "Весна", где когда-то после лекций девочки из их группы любили угоститься пирожками. Это называлось гордо: мы пикуем. Шиковала и Таня, а потом два дня сидела на одном кефире: стипендии не хватало ни пирожины, но как устоять? Мама тогда жила в другом городе и растала братьев, так что на ее помощь рассчитывать не приходилось...

Ира Зенчук, конечно же, споздала. Таня с раздражением смотрела, как минут через десять появилась она на противоположной стороне улицы, подождала зеленого света и побежала к ней. "Красивая! Почти не изменилась. А ведь и ей уже тридцать."

— Здравствуй, Таня! — голос Иры был незнакомым, чуть с хрипотцой: наверно, курит много...

И тут же Ира достала сигареты, ловко выщелкнула из пачки одну, лязгнув протянула пачку Тани.

— Спасибо, я не курю. Здравствуй, Ира! Что у тебя стряпе-

лось?

Ира не спешила ответить. Она закурила, глубоко втянула в себя дым, медленно выпустила его... Потом покраснела. Словом, вид у нее был такой, какой бывает у человека, если ему неловко или что-то очень смущает его.

— Так что произошло? — повторила Таня.

И красавица Ира заплакала!

Потом высморкалась, потащила Таню за руку в скверик, где почти не было людей и никто не мог помешать говорить...

— Дело у меня необычное... необыкновенное... никогда не знаешь, что с тобой будет... так и я не думала о таком... не получилось...

— Ира, да говори толком! Я ведь ничего не понимаю...

— Видишь ли, Таня, ты знаешь, что у меня есть дочь...

— Не знаю. Никогда не слыхала. Так что?

— Дочери моей... от второго мужа... третий год. Девочка она хорошая. Ну, капризничает иногда. Иногда поплачет. А вообще хорошая.

— Рада за тебя.

— Подожди. Ты ведь одна?

— Да, одна. Мама умерла. А я одна.

— И ты добрая. Ты была в институте очень добрая.

— То давно было...

— Таня, послушай, ради бога, — Ира схватила Таню за руку, — не осуждай меня. Мне иначе нельзя. Понимаешь, я со вторым мужем тоже развелась: не сошлись характерами, а если точнее, то надоело мне стирать, варить, пеленать, опять стирать. А он видеть не мог, как я шлепаю Оленьку. Где ему зять, что все мне надоело до чертиков. У него уже год как вторая семья. На дочку забрать он наотрез отказался.

— Как это — забрать? Ты что, хотела отдать дочь мужу, в руки чужой женщины? Ну, знаешь ли...

У Таи вспыхнули щеки: вот те на, всегда была взбалмошная, но такого и о ней бы никто не подумал.

— Понимаешь, я встретила человека, о котором мечтала всегда. В командировке. И он любит меня. И мы могли бы пожениться. Но он ничего не знает о дочке. Что замужем была, знает. А что Оля есть — я скрываю: кто женится теперь на женщине с таким приданным?

— Если любят...

— Ты наивная, потому что... — Ира прикусила губы. Спихватилась, что может обидеть Таю.

Тая поняла все, что недосказала ей Ира. " Потому что у самой ни мужа, ни детей..."

Она хотела было распротаться и уйти, но Ира схватила ее за руку и стала горячо и быстро говорить:

— Танечка, ну будь другом, возьми на время Олю. Ну, на год. Может, я ее быстро заберу. Устрой жизнь, а там признаюсь. Не в приют же девочку сдавать. Она хорошая. Ну, как все. Вот посмотри на нее, она в детском саду, совсем недалеко отсюда, за углом!

Ошеломленная таким неожиданным напором, Тая не успевала даже слово вставить в поток Ириных слов.

В детском саду Ира окликнула дочку, и из толпы петишек, играющих во дворе, выбежала маленькая девочка. Девочка как девочка. Две косички. Чистый лобик. Похожа на мать. В руках — кукла, черный веселый негртеночек в красном пиджаке и синих коротких штанишках. Ах как же

Девочка как девочка.

Но, когда Ира наклонилась к ней, чтобы застегнуть пуговичку

на площадке. Слезька как будто испугалась и отшатнулась от матери.

— Идем! — сказала ей Ира. — И не вздумай отставать...

Таня прошла еще немного с ними, потом сказала Ире:

— Это невозможно. Досвиданья!

И пошла.

Оставив девочку, Ира догнала Таню и почти закричала на нее:

— Я думала, ты такая, как была... А ты — сухарь, старая дева, синий чулок. Ну и живи одна!

И она резко бросилась назад к дочке, дернула ее за руку и пошла, почти побежала по улице...

Удивительно, но даже обиды не было. Было недоумение: как можно? Как можно строить свое счастье на несчастье дочери? Как можно расстаться с маленьким существом, таким беспомощным и доверчивым?

Прошло несколько недель, и Таня забыла обо всем. Вернее, перестала думать.

Попрямому она затевала ненужные уборки по выходным. Стада было готовиться к зиме: купила новые лыжные ботинки, привезла из крильнейки подошвала их к креплениям. Потом заклеила окна. Потом съездила в командировку в Ригу, и пять дней вечерами была счастлива: ходила по старым улицам, стояла у Домского собора, через освещенные витражи которого глухо доносилась органная музыка, любовалась картинами в музеях, всплакнула, когда приехала в Саласпиле. Дни были насыщены. Вечера тоже.

А потом наступила зима. Пелел снег, и его бесшумное

свеченье озарило город.

Однажды Таня пошла в парк; просто посмотреть, как висит снег на ветвях, как присыпал он бронзовые плечи девушки у фонтана, как играют дети.

Дети бумели, всорились, носились по снегу, скатывали его в огромные комья. Одна маленькая девочка копала снег лопаткой и неглубокая траншейка пересекала дорожку. Девочка была похожа на Олю, и Таня подумала: "Интересно, что у Зенчук?"

Придя домой, она позвонила подружкам. Но девочки ничего не знали.

Тогда она отыскала по справочной телефон Иры и набрала номер, про себя решив положить трубку, если подойдет Ира.

Но подошла какая-то старушка.

— Скажите, это квартира Зенчук?

— Нет, милая, Зенчук здесь не живет. Она уже уехала. А здесь теперича мы живем.

— А куда она уехала?

— В Куйбышев. Мы с ней обменялись. Хорошую квартиру отдали, чтобы со стариком к дочке своей поближе быть. Хотите адресок? Могу сказать...

— Нет, извините, не надо. Скажите только, а девочка с ней уехала?

— Какая девочка? Никакой девочки не было! Нас даже не хотели в Минск прописывать: уезжает, мол, одна, а приезжает двое...

— Извините... До свиданья...

Таня положила трубку.

Неужели оставила дочку? И где?

Вспомнилось: " Не в приют же девочку

И еще: девочка и веселый нег^УТЕНЮК

Ну куда девочка в детском доме? Там, конечно, не пропадет. Но и ласки не узнает. Известно, какая она, ласка казенная. А девочке материнская ласка ой как нужна!

И вспомнилась Тане мама. Мама, мама! С ней и не одиноко было, и не страшно. Переживала, конечно, что дочь не устроила жизнь свою, что ребята мимо дочери проковылят. Да утешала Таню и себя саму рассказами в скандалах у соседки, о разводах, которых и иссчитать не надо — ведь сколько их вокруг! Не мамей, мол, доченька, не так уж и сладка эта семейная жизнь.

Лишь умная плакала:

— Оля ты, Оля...

Таня решила узнать, где в Минске есть детские дома.

А узнав, поехала в выходной день. И встретила у высокой ограды группу ребятшек, которые шли под строгим наблюдением молодых воспитательниц.

Она в этой группе не была.

— Девушки, скажите, за два последних месяца не поступила к вам девочка Оля, лет трех, с двумя кошечками. Хорошенькая такая.

— А у нас все хорошенькие. Семья-то хихухиди какая у девочки?

— У матери — Зенчук. А по отцу — не знаю...

— А вы пойдите к начальнице нашей, она тут же живет, во втором крыльце с угла первое. Клавдией Васильевной зовут. Она скажет.

Клавдия Васильевна, маленькая, чистенькая, подвижная пожилая женщина, настороженно посмотрела на Таню, а потом спросила:

— А вам зачем?

— А я подружка ее матери.

— Плохая мать. Очень плохая. — Таня даже удивилась, с какой решимостью и резкостью были сказаны эти слова. — И вам

не надо травмировать ребенка напоминанием о матери. Оленька только-только начала привыкать...

— Видите ли, она меня только один раз видела... Но ... как бы это сказать... а можно ли все-таки приходить к девочке? Или забирать ее на выходные.

— Нет. У нас ведь и другие дети, которых никто не забирал ~~и никто не посещает~~ и никто не посещает. А им больно... Все они очень тоскуют, как бы им ни было хорошо у нас. Дом, знаете, это — дом...

— Да, я понимаю. — Таня решила: — А... совсем забрать можно?

— Вы знаете, ваша подруга... с позволения сказать, мать Оли, да и отец ее отказались от дочери. Поэтому можно, но надо все это делать по закону. То-есть, через соответствующие инстанции. Но подумайте. Хорошо подумайте. Дело — то ответственное.

И Клавдия Васильевна унеслась по делам.

Таня долго стояла у ограды. Под вечер вывели на прогулку и малышек. Оли Таня узнала не сразу. Девочки играли с двумя подружками, а за пазухой у нее был спрятан тот веселый негрятенок. Кажется, девочка осунулась. Нет, показалось, пожалуй. Но какая серьезная

И Таня поехала к себе, в свою квартиру.

Дома было тихо-тихо. И тепло.

Таня дежала с книгой в руках и думала думала...

Ночь ей снилась девочка с негрятенком. Девочка весело смеялась и что-то говорила Тане, заглядывая в глаза весело и ласково.

И думая, забравшаяся в комнату через полуоткрытую форточку, с удивлением увидела, как спящая женщина, всегда такая серьезная и молчаливая, улыбнулась и шепнула кому-то:

— Здравствуй!